

Лето наступает только раз в году.

Обыкновенно мы проживаем его каждый год своей жизни, посему нет никого, кто смог пережить лето несколько сотен раз. Учитывая среднюю продолжительность жизни в Японии, можно утверждать, что мы встретим его примерно восемьдесят раз, прежде чем умрём.

Я не уверен, много это или мало. «Жизнь может показаться слишком длинной, когда ничего не происходит, или слишком короткой, когда что-нибудь случается», – так писал Ацуши Накаджима. Восемьдесят раз – слишком много для людей, которые не могут насладиться летом, и слишком мало для тех, которые на это способны. Да, вероятно, всё так и есть.

Я встретил лето чуть меньше двадцати раз. И ни одно из них не было похоже на другое. Каждое лето было по-своему прекрасно. Не сказать, что какое-то прошло лучше или хуже остальных. Сравнивать одно лето с другим – будто заявлять, что определённая форма облаков качественно превосходит другие.

Разложив в ряд одно моё лето за другим, будто стеклянные шарики, можно заметить, что два из них необычных цветов. Лето 1988-го года и лето 1994-го. Первое было самым холодным летом моей жизни, а последнее – самым жарким. Одно окрашено в тёмно-синий цвет – нечто среднее между синью неба и моря, – а второе, янтарное, подобно тусклому закату.

□

Сейчас я собираюсь рассказать вам историю жарчайшего лета в моей жизни.

□

Однако всё должно стоять на своих местах. Пожалуй, мне стоит рассказать об обстоятельствах, ему предшествующих, верно?

Вернёмся от лета 1994-го к 20-му марта того же года в день выпускной церемонии (1) средней школы Южной Минагисы.

С этого момента и начнётся моя история.

□

Я умыл лицо холодной водой и проверил в зеркале свою ранку. Под глазом кровоточила

царапина в сантиметр длиной. Больше ничего особо примечательного не было. Правда, ещё на правой стороне лица находилось большое пятно, но, в отличие от царапины, оно не просто так там появилось. Оно всегда там было; я родился с ним.

В последний раз я смотрелся в зеркало чуть больше месяца назад, и мне показалось, что с тех пор моё родимое пятно только сильнее потемнело. Естественно, мне так только казалось. Но после этого я старался избегать встречи со своим отражением: существование этой родинки всегда отбивало у меня желание взглянуть на своё лицо. Но на самом деле ничего и не менялось.

Я продолжил смотреть в зеркало. Родинка отливала тёмно-синим и выглядела так, будто кожа на её месте уже отмерла. Она казалась мазком сажи или пятнышком плесени, или, если присмотреться поближе, рыбьей чешуёй.

Даже я думал: какое пугающее пятно.

Я насухо вытер лицо рукавом своей формы, взял с края раковины свидетельство об окончании школы и вышел из уборной. После стойкого запаха аммиака в туалете воздух снаружи казался сладковатым. У платформы на скамейках сидели, переговариваясь, школьники, которые, как и я, держали в руках тубусы со своими свидетельствами.

Когда я открыл дверь, на меня пахнуло жаром, как от печки. Я собирался подождать здесь, пока не прибудет поезд, но на станции было слишком тесно, она была полна школьников, которые веселились до поздней ночи после церемонии – ужасно шумно и неприятно. Вынужденный выбирать между теплом и тишиной, я в конце концов решил поспешить на платформу.

В середине марта ночи всё ещё холодные. Я решил застегнуть пиджак, но обнаружил, что вторая пуговица отсутствует. Я не мог припомнить, чтобы отдавал её на память какой-нибудь девушке (2). Возможно, её просто оторвали в драке.

Я забыл причину потасовки. Пытаясь вспомнить, я только выматываю себя.

После церемонии я праздновал выпускной со своими друзьями. Они и без того разгорячились, поэтому приносить алкоголь оказалось не лучшей идеей. Я всего лишь завёл разговор на нейтральную тему, но каким-то образом он перерос в спор, а затем и в драку четыре на три. Те четверо уже искали работу, в то время как трое, включая меня, только стали старшеклассниками. Это было нечто.

Драки были для меня обычным делом. Нет, даже не так – каждый сезон у нас происходила какая-нибудь масштабная стычка, как у котов по весне. Может быть, так мы боролись с затхлой аурой нашего сельского городка, оторванного от остальной реальности, с беспокойством о размытом будущем и так далее.

Как только драка завершилась, я поймал себя на мысли, что это, вероятно, была "битва за уважение", и помрачнел. Она окончилась без каких-либо заключений, не считая соглашения на ничью. Когда мы вышли, те четверо, что были без пяти минут работниками, прогнали нас, старшеклассников. Тот, кому особенно сильно прилетело, орал о том, что мы за это поплатимся. Наша стычка действительно подошла к концу. Этим и закончился мой последний год в средней школе.

Когда поезд наконец подъехал, и я опустился на сиденье, я заметил двух девушек лет двадцати с хвостиком, которые стояли у дверей и тыкали в меня пальцем. Одна, что повыше и постройнее, носила очки без линз, а у низенькой и пухлой лицо было закрыто медицинской маской.

Эти двое как-то не к месту шептали всякие гадости. Конечно о моей родинке, как же иначе. Вот насколько она выделяется.

Я пнул пяткой своё сиденье и метнул на них взгляд, который так и норовил спросить: «Какие-то проблемы?», и они, стушевавшись, отвели глаза. Люди вокруг посмотрели на меня и будто бы намеревались что-то сказать, но никто так и не озвучил никаких претензий.

Я прикрыл глаза и задумался. Тц. В следующем месяце я собираюсь пойти в старшую школу, но сколько ещё я буду вести себя так по-идиотски? Столь резко реагировать на обстоятельства, которые просто меня раздражают – лишь пустая трата времени и сил. Мне следовало бы поучиться терпению.

Мои судорожные попытки заниматься окупились, когда несколькими днями ранее меня приняли в Первую старшую Минагисы. Эта школа известна на всю префектуру своей подготовкой к университету, и там я намеревался начать всё сначала. Немногие смогли перейти из моей школы в Первую старшую. Другими словами, вряд ли кто-то из тех, кто знал меня в средней школе, окажется там. Это идеальная возможность представить себя в ином свете.

За те три года, проведённые в средней школе, моя вспыльчивая натура подставляла меня во множестве споров. И неважно, побеждал я или проигрывал, она всё равно приводила не к лучшим последствиям. Мне хватило этого сполна. В старшей школе я хотел приучить себя оставаться равнодушным к незначительным разногласиям и жить тихой, спокойной жизнью.

К стремлению в Первую старшую Минагисы изначально меня подвигла мысль, что в более продвинутых школах возникает меньше конфликтов. Конечно, не всегда можно сравнивать образование людей с их личностными качествами, но те, кто многое потерял, не особо любят неприятности.

Судя по слухам, уровень подготовки в Первой старшей Минагисы явно выше среднего, поэтому учёба будет преследовать меня во сне и наяву, на клубную деятельность и развлечения не останется времени, а молодость незаметно пройдёт мимо. Но меня это совершенно не волновало, я ведь изначально не думал, что смогу прожить юность хотя бы на

самом заурядном уровне. Мысль о том, что я заведу хорошие отношения с одноклассниками и найду замечательную девушку, была чужда моему разуму.

Потому что, пока у меня на лице есть это отвратительное родимое пятно, люди никогда не примут меня по-настоящему.

Я тихо вздохнул.

Знаешь, я подумал, что тем девушкам, которые пялились на меня, повезло. Те, кому не нравится нижняя половина своего лица, носят маски. Те, кому не нравится верхняя – очки. А тем, кому не нравится правая половина, ничего не поможет. Несправедливость, хах.

Поезд остановился с раздирающим уши скрипом. Я вышел на платформу и вдохнул свежий весенний воздух.

Седой контролёр лет сорока открыто глазел на меня, принимая билет. Его относительно недавно приняли на эту должность, и так происходило всегда, когда я проходил мимо. Я остановился, намереваясь высказать ему всё, но вдруг осознал, что за мной ещё стоят люди, и, передумав, покинул станцию.

Мой путь пролегал через торговый район поблизости. Вокруг не было ни души, и только эхом отдавались шаги. Большинство магазинов были закрыты, потому как уже надвигалась ночь. Торговый центр, построенный на окраине города два года назад, постепенно опустел, и главная улица превратилась в сплошной ряд закрытых жалюзи. Магазин спортивного инвентаря, кафе, магазин электроники, мясная лавка, фотосалон, галантерейный магазин, банк, салон красоты... Я разглядывал каждую поблёкшую вывеску, представляя, что находится там, по ту сторону витрин. В центре района находилась потрёпанная статуя русалки, которая с тоской смотрела в сторону своего дома.

...Это произошло, когда я проходил мимо табачного магазина, располагавшегося между кондитерской и магазином аксессуаров.

Рядом с витриной зазвонил телефон-автомат. Этот звонок будто ждал своего часа в течение многих десятилетий.

Я остановился и посмотрел в сторону его светодиодного экрана, который слабо мерцал в темноте. Кабинка была старая: в ней не было ни двери, ни освещения.

Я знал, что изредка общественные телефоны принимают звонки. Я вспомнил случай в начальной школе, когда мой приятель ради шутки набрал 112 (3) в таксофоне и очень удивился, когда ему тут же перезвонили. Мне стало любопытно, и я выяснил, что у каждого телефона-автомата есть свой собственный номер.

Тем временем таксофон не прекращал трезвонить. Он звонил громко и решительно, как бы крича: «Я знаю, что ты здесь!»

Часы на витрине парикмахерской показывали 9:38.

Обычно я наверняка бы проигнорировал это и прошёл мимо. Но что-то в этом навязчивом звуке заставило меня подумать: «Этот звонок только для меня и ни для кого другого». Я оглянулся и убедился, что действительно тут один.

Я неуверенно поднял трубку.

«У меня есть предложение», – без каких-либо прелюдий сказал человек на другом конце провода.

Голос был женский. Наверное, где-то в диапазоне от двадцати до тридцати лет. Она говорила спокойно, выделяя каждый слог. Говорил не робот – я определил это по дыханию. Я слышал, как позади неё завывает ветер, возможно, означавший то, что она находилась снаружи.

Я подумал, что, может, эта женщина по некому стечению обстоятельств узнала номер таксофона и решила попугать прохожих. Скорее всего, она откуда-то наблюдала за теми, кто отвечал на звонок, наслаждаясь их реакцией на свои внезапные заявления.

Я не ответил, ожидая её первого шага. Затем она прошептала, будто рассказывая секрет:

«Внутри тебя всё ещё теплится любовь, от которой ты не можешь отделаться. Я права?»

Погоди-ка секундочку. Как я могу спокойно отнестись к подобному заявлению? Я грубо бросил трубку и пошёл своей дорогой. Телефон позади снова зазвонил, но я даже не взглянул на него.

□

Три старшеклассника расселись посреди дороги, попивая пиво из банок. Не такая уж и редкость в городе Минагиса. Он кажется прекрасным, только когда его называют тихим приморским городишком, но в этом месте, полном пивнушек и закусовых без единого намёка на развлечения, молодёжь помирает со скуки. Те, из кого энергия так и прёт, быстро начинают тянуться к пиву и сигаретам. К лучшему или к худшему, в этом городе несовершеннолетним доступно множество способов заполучить сие удовольствие.

Искать другой путь было слишком напряжно, поэтому я попытался пройти мимо них. Один

из этих парней тут же вскочил, когда я задел ногой его спину. Он слишком остро среагировал и схватил меня за плечо. Я не хотел нарываться на проблемы, уже поучаствовав в одной крупной стычке. Но когда он начал ржать над моей родинкой, я нашёл в себе силы врезать ему.

К несчастью, парень, которого я ударил, видимо, имел опыт рукопашного боя, и в следующее мгновение я уже лежал на земле. Они поглядывали на меня сверху вниз и выдавали мерзкие оскорбления, но мой разум совсем заплыл, и я мог только слышать их глухие голоса, которые доходили до меня, будто сквозь толщу воды.

К тому времени, когда я решил дать сдачи, те трое испарились, оставив на прощание пустые пивные банки. Я упёрся руками в колени и попытался встать, но в висках заныло, словно туда воткнули отвёртку, и я застонал.

Лёжа лицом вверх, я смотрел на звёзды. Ну, звёзд я не видел, но время от времени я мог разглядеть луну, проглядывающую сквозь облака. Я проверил задний карман и обнаружил, что бумажник, как и ожидалось, пропал, но сигареты были в сохранности. Я вынул одну из мятой пачки и поджёг зажигалкой.

Внезапно я подумал о Юи Хаджикано.

Три года – с четвёртого по шестой класс – я учился с ней в одном классе. Всякий раз, когда я дрался и получал по голове, как сейчас, она беспокоилась обо мне, будто бы это были её собственные ссадины. Она была сантиметров на двадцать ниже меня, но всё равно, вставая на цыпочки, гладила меня по голове и наставляла: «Не ввязывайся больше в драки!»

Затем она оттопыривала мизинчик и требовала, чтобы я пообещал – такой у Хаджикано был метод. И когда я неохотно протягивал мизинец, она довольно улыбалась. Я ни разу не сдерживал обещание и за считанные дни умудрялся пораниться, но она раз за разом терпеливо пыталась уговорить меня.

Оглядываясь в прошлое, я почувствовал, что Хаджикано была единственной, кто воспринимал меня всерьёз.

Она была хорошенькой девочкой. И я, и она привлекали внимание людей, но по разным поводам: я – своим уродством, а она – красотой.

В нашей захолустной начальной школе, полной посредственных детишек, появление Юи Хаджикано с её идеальной внешностью и кучей талантов казалась настоящей жестокостью. Многие девчонки избегали находиться даже в её тени, и многие мальчишки безответно влюблялись в неё, и их сердца всегда разбивались сами собой.

Хаджикано одним лишь своим присутствием вынуждала людей опускать руки. Дети, учившиеся в том же классе, что и она, думали только о том, что в этом мире все находятся в

неравном положении, и ничего с этим не поделать, сколько ни борись. Постепенно многие начали полагать, что, когда они поступят в среднюю школу и посветят себя учёбе, своим увлечениям и романтике, у них всё будет валиться из рук, будто бы она стоит рядом. Слишком рано, ещё в начальных классах, мы узнали жестокую правду. Хотя я понял это ещё раньше благодаря своей родинке.

Все были озадачены тем, как такая настолько потрясающая личность, как Хаджикано, столь дружелюбно вела себя с таким мальчиком, как я. По всеобщему мнению, я и она были полными противоположностями. Но если бы нас спросили, мы бы ответили, что мы едины в том, как к нам по-особенному относятся, хоть и по разным поводам. Эта отстранённость от остального общества и связала нас.

Без понятия, о чём мы говорили, когда были вместе. Наверняка ни о чём особенном. Ну, может, большую часть времени мы тратили не на разговоры, а просто находились рядом. Тишина, в которой я сидел вместе с Хаджикано, как ни странно, расслабляла, а не смущала – нам казалось, что так мы только укрепляем нашу дружбу. Когда она молча смотрела вдаль, я наблюдал за ней со стороны.

Я ясно помню лишь один наш разговор.

«Я считаю, что твоя родинка замечательная, Фукамачи».

Так Хаджикано ответила на колкость, брошенную мной по поводу своего родимого пятна. Разумеется, у меня просто вырвалось нечто вроде: «Я впечатлён, что ты дружишь с таким, как я».

«Замечательная? – переспросил я. – Это, должно быть, сарказм. Просто взгляни на неё. Она настолько страшная, что вполне сможет кого-нибудь напугать».

Хаджикано приблизилась к моему лицу и посмотрела на родинку в упор. С дурацки серьёзным выражением лица она вглядывалась в неё чуть больше двадцати секунд.

Затем внезапно она коснулась её губами, совершенно не колеблясь.

«Напугать?» – она расплылась в озорной улыбке.

Абсолютно точно. До смерти напугать.

Я не знал, как на это отреагировать. Хаджикано же, как ни в чём ни бывало, сменила тему, не подарив возможности разузнать о значении её действий. Может быть, ничего они и не значили. В любом случае, этот инцидент нисколько не изменил наши с ней отношения. Мы так и остались хорошими друзьями.

Не думаю, что я особенно нравился ей таким, каким был. Просто у Хаджикано были более добрые намерения, и она знала, как оные осуществить. Если бы люди заполучали любовь так просто, то они бы слишком восторгались ей и постоянно благодарили, поэтому она должна была быть осторожной, собирая вокруг тебя тех, кто не производит много шума.

Хаджикано не знала, как от каждого её действия начинало трепетать моё сердце.

Когда мы окончили начальные классы, я пошёл в государственную школу в нашем районе, как и большинство моих одноклассников – среднюю школу Южной Минагисы. Она из тех школ, где у входа припаркованы мотоциклы, учителей выгоняют в коридоры, а в спортзале все стены изрисованы граффити. Если у вас остались хоть какие-то зачатки здравого смысла, то это свело бы вас с ума недели за две. У меня здравого смысла не было и в помине, поэтому я остался в порядке.

Хаджикано поступила в частную школу для девочек где-то далеко. Средняя школа Митсубы – одна из лучших школ. Я не знаю, как ей там жилось. До меня не доходило никаких слухов, да и я не особо хотел узнавать. Я и она находились в разных мирах.

Я ни разу не видел её с тех пор.

«Ясно, – кивнул я себе, – только не говорите мне, что это и есть любовь, от которой я не могу отделаться, как и сказала та женщина из таксофона».

Тогда она несомненно имела в виду Хаджикано.

□

Докурив сигарету, я оставил свои слезливые воспоминания и встал. Всё моё тело ныло. В горле слабо покалывало. Должно быть, я простудился.

Что за ужасный день, подумал я.

Но эти полные невезения сутки ещё не закончились.

Когда я, возвращаясь домой, проходил мимо гостиницы, предназначенной под снос – была уже ночь и, естественно, её работников здесь и в помине не было – кое-что случилось.

Вокруг здания было поставлено временное ограждение из плоских панелей метра два в высоту. Где-то за ним раздался зловеющий грохот. Я счёл это подозрительным, но продолжил идти. Внезапно оттуда донёсся громкий взрыв, и в следующее мгновение одна из панелей повалилась на меня.

Плохие дни остаются таковыми до самого конца.

Почему меня окончательно не раздавило, кто набрал 119 (4), что случилось после прибытия скорой помощи – я ничего из этого не помню. Я очнулся в больничной палате с загипсованными ногами. Через пару мгновений я ощутил боль, разливающуюся по всему телу, такую, что мне захотелось кричать. В глазах потемнело, и меня прошиб холодный пот.

Снаружи весело чирикали утренние пташки.

И вот так, прежде чем пойти в старшую школу, я получил серьёзную травму, от которой мне потребовалось восстанавливаться четырнадцать недель. Обе ноги были серьёзно переломаны, и сразу после того, как я очнулся, меня отправили на операционный стол и ввели штыри. Мне сделали рентген: переломы были впечатляющие, в самый раз для пособий начинающим медикам. На последующую жизнь они никак не повлияли бы, и беспокоиться об осложнениях было незачем, но из-за этого я сильно отсрочил себе начало учёбы.

Ну, – думал я, – попасть в больницу из-за травмы не так уж необычно. В лучшем случае я мог начать посещать школу в июне, а к тому времени весь класс уже сдружился бы. Но я не был уверен, что вообще найду в старшей школе настоящих друзей. С другой стороны, если подумать, в палате проще сосредоточиться на занятиях, чем в классе.

И в самом деле, эти три месяца я был невероятно прилежен в учёбе. Я раз за разом перечитывал учебники, включая любимую музыку на плеере, спокойно отдыхал, когда выматывался – в целом, жил простой и честной жизнью. Палата была полностью белая – я будто находился на минималистской выставке; да и из окна не было видно ничего стоящего, поэтому математика и английский были интересны мне больше всего остального.

Я всегда двигался в своём собственном темпе, поэтому мог рассматривать это, как идеальное стечение обстоятельств. Подобный образ жизни казался более эффективным, чем попытки справиться с сонливостью, отчаянно переписывая слова и формулы с доски.

В конце мая в мою палату подселился парень шестнадцати лет по имени Хашиба: у него была сломана рука. Кажется, ему нравилось, как я спокойно занимаюсь, и всякий раз, когда мы пересекались взглядами, он говорил, улыбаясь: «Спрашивай, если с чем-нибудь возникнут трудности». Я много чего не понимал в английской грамматике, поэтому советовался с ним несколько раз, и он вполне доступно объяснял, так, как не смог бы обычный преподаватель. Я поинтересовался у него насчёт этого, и он ответил, что хочет стать учителем. А у его кровати стояла приличная стопка произведений западной литературы.

Одним дождливым днём Хашиба вскользь спросил меня:

«Что для тебя значит эта родинка?»

Он впервые задал мне подобный вопрос, поэтому мне пришлось немного подумать над

ответом.

«Она порождение истинного зла, – сказал я ему. – Если бы не эта родинка, думаю, процентов восемьдесят проблем я смог бы избежать. Она настраивает окружающих против меня и заставляет считать меня отвратительным, но более насущный её минус в том, что я не могу полюбить себя. Никто не будет из кожи вон лезть ради того, кто ему даже не нравится. Неспособность полюбить себя подразумевает нежелание стараться».

«Мгм», – подтвердил Хашиба.

«С другой стороны, когда я во всём виню свою родинку, всем вокруг кажется, что я отказываюсь смотреть на то, чего видеть не хочу. Возможно, я просто обманываю сам себя, выставляя её причиной реальных проблем, которые я мог бы преодолеть, приложив достаточно усилий. ...Но так или иначе, я не сомневаюсь, что она негативно на мне сказалась».

Он медленно кивнул: «Ясно. Добавишь ещё что-нибудь?»

«Нечего добавлять. В этом нет ничего хорошего. Не думаю, что комплекс неполноценности помогает людям расти. Как правило, подобное – лишь отправная точка для сломанной жизни. Некоторые могут преодолеть это, чтобы добиться успеха, но даже их потом мучает чувство осознания собственной ущербности».

«Всё, что ты говоришь, звучит убедительно, – сказал Хашиба. – Но глядя на тебя, я думаю: серьёзные недостатки помогают подняться предусмотрительным обладателям оных. Конечно, это лишь слова того, кто сам не может отвести взгляда от этих самых недостатков».

«Ты уверен, что не спутал неполноценность с предусмотрительностью?»

«Не спутал», – улыбнулся он.

Когда меня выписывали из больницы, он дал мне книгу: оригинал "Хлеба с ветчиной" Чарльза Буковски. Позже я начал читать её по пять страниц в день с английским словарём в одной руке.

В конечном счёте я был готов пойти в старшую школу в начале июля. К тому времени все ученики должны были уже написать промежуточные контрольные, освободиться от напряжения, а их сердца – пуститься в пляс с мыслями о приближающихся летних каникулах.

Лето в старшей школе. Многие назовут это время лучшими днями своей жизни. Но великолепия лета ощущается уже весной. Будучи откинутым в мир запаха антисептиков и белоснежных стен, я чувствовал себя так, будто заявился на день рождения к незнакомому человеку.

Сумею ли я удержаться в этом мире?

Вечером в воскресенье, после выписки я прогулялся по побережью: просто я лёг в кровать в десять часов вечера, но чувствовал себя необычно бодрым, поэтому схватил костыль и вышел из дома через заднюю дверь. Я нервничал так же, как и любой другой, кому завтра нужно идти в новую школу.

Я остановился у ближайшего магазина и купил сигареты в автомате. Уже на пляже я сел на волнорез и около часа любовался океаном под сиянием растущей луны. Я долгое время не был на берегу, но ничего нового не увидел. Разве что чистотой пахло чуть сильнее, чем обычно.

Возвращаясь домой через тихий жилой район, я услышал, как вдалеке звонит телефон.

Сначала я решил, что звук исходит из какого-то дома. Но чем дальше я шёл, тем сильнее становился звон.

Я подошёл к телефонной будке на автобусной остановке. Он исходил оттуда.

Нечто подобное случалось ранее. Я особо не задумывался о том звонке, потому что он больше походил на розыгрыш.

Но даже после того, как я прервал его, изо дня в день слова той женщины отдавались в моей голове всё отчётливей.

Внутри тебя всё ещё теплится любовь, от которой ты не можешь отделаться.

Действительно ли то был лишь розыгрыш?

И если нет, что она пыталась этим сказать?

...Подумав об этом, я почувствовал, что всё это время я ждал, когда она мне перезвонит.

Я поднял трубку и услышал знакомый женский голос.

«Видимо, ты понял, что я не пыталась разыграть тебя».

С опозданием на три месяца я ответил: «Я признаю поражение. Я не могу отделаться от мыслей о кое-ком».

«Да, это так, – удовлетворённо сказала мне девушка. – Мисс Юи Хаджикано. Ты всё ещё отказываешься отпустить её».

Я не особенно удивился, услышав, как она назвала имя Хаджикано. Она могла определить моё местоположение и позвонить на ближайший телефон-автомат. То, что она знала о моём увлечении, не казалось мне странным.

«Итак, что за предложение, о котором вы говорили?»

«Ах... – кажется, она была впечатлена. – Как хорошо ты запомнил то, что было три месяца назад».

«Просто этот случай не выходит у меня из головы».

«Что ж, перейдём к делу. Насчёт предложения, которое я хотела сделать ранее... Давай заключим пари?»

«Пари?» – переспросил я.

«Господин Фукамачи, – она произнесла мою фамилию крайне небрежно, – однажды летом, когда тебе было 12, ты влюбился в Хаджикано. Привыкнув к тому, что все вокруг заранее настроены против тебя, ты поразился тому, что она проигнорировала твоё родимое пятно и стала относиться к тебе как к равному, и начал почитать её, словно богиню. Естественно, ты подумывал о том, что хотел бы с ней встречаться, далеко не один или два раза».

Женщина на мгновение перестала говорить.

«...Но она являлась для тебя недостижимой целью. "У меня нет права любить её", – думал ты и поэтому скрывал свои чувства к ней».

«И?» – бросил я, даже не отрицая этого.

«Ты думал, что не имеешь права любить её... Но в тоже время ты считал, что если бы у тебя не было этой родинки, то, может, отношения между вами стали бы немножечко другими».

«Конечно, – согласился я. Бесспорно, она могла видеть меня насквозь, даже знала про родинку. – Но так происходит со всеми. Если бы я только был чуточку выше, если бы мои глаза были чуточку больше, если бы зубы были чуточку ровнее... Необычно, скорее, не иметь таких мыслей».

«Ну, тогда давай попытаемся удалить эту родинку, – прервала она мои рассуждения. – Если сможешь завоевать сердце Хаджикано, ты победил, а это пятно навсегда исчезнет с твоего лица. С другой стороны, если её чувства останутся неизменными, выиграю я».

Я наморщил лоб и закрыл глаза.

О чем эта женщина говорит?

«Эта родинка никуда не денется, – раздражённо пробубнил я. Я испробовал все виды лечения. Но ни один не сработал. Она особенная. Так что этому не бывать. К тому же, я не пересекался с Хаджикано целых три года с тех пор, как мы выпустились из начальной школы и пошли разными дорогами. Я не знаю даже, как она теперь живёт».

«А если твоя родинка испарится, и вы с Хаджикано внезапно воссоединитесь, ты заключишь со мной пари?»

«Да, конечно. Если только подобное чудо произойдёт».

Она тихо фыркнула и сказала: «Ну, что до временных рамок... Посмотрим-ка. Я даю тебе пятьдесят дней. Через несколько часов наступит 13-е июля, и пари вступит в силу. Ты должен успеть до 31-го августа. Пожалуйста, расположи к себе Хаджикано до этой даты».

Вдруг звонок прервался. Некоторое время я стоял у телефона, не двигаясь.

Я с надеждой посмотрел в боковое зеркало машины, припаркованной под фонарём, но родинка осталась такой, какой и была всегда. Она нисколько не уменьшилась и даже не посветлела.

Значит, всё-таки это был розыгрыш. Кто-то, обладающий подробными сведениями обо мне, играл с моими чувствами с необыкновенной настойчивостью, тщательно проработав план. Смириться с этим было непросто, но я не смог придумать другого объяснения. Многие люди были озлоблены на меня, да и в городе, который истосковался по чему-то необычному, где "скука" никогда не исчезает, те, кто помоложе, залезут в любые дебри ради сиюминутных острых ощущений. Им просто нечем заняться. Я не счёл странным, что кто-то раздобыл номера всех таксофонов только ради того, чтобы посмеяться надо мной.

Я вздохнул и упёрся руками в колени. Неожиданно мне поплохело – наверное, после госпитализации у меня резко снизилась выносливость.

В одном я был уверен: я удивился собственному разочарованию. Я возненавидел себя за то, что в самом деле пошёл и посмотрел в зеркало.

Я что, правда не могу никак отделаться от этого?

Я вернулся домой, принял горячий душ и завалился спать. Часы рядом с постелью показывали три часа ночи. Я обрёл себя клевать носом в первый день учёбы.

Я закрыл глаза и пожелал провалиться в небытие как можно скорее. Именно в такие моменты тиканье секундной стрелки начинает становиться громким, как звук метронома, а

дыхание ускоряется в такт ему. Я решил повернуться на другой бок, но это ничего не изменило. Даже с открытым окном в комнате было необычно влажно, а в горле пересыхало.

Я смог уснуть только засветло, когда проснулись птицы и застрекотали цикады.

Считанные минуты сна. Но, благодаря этой маленькой передышке сознания, в моей жизни произошли глобальные изменения.

Чудеса всегда случаются, пока никто не смотрит.

Примечания:

(1) Японский учебный год начинается в апреле и заканчивается в марте.

(2) В Японии у выпускников мужского пола существует традиция дарить девушке, которая нравится данному ученику, вторую пуговицу от пиджака своей школьной формы (потому как она ближе всех к сердцу).

(3) 112 – номер вызова полиции в Японии.

(4) 119 – номер вызова скорой помощи в Японии.

<http://tl.rulate.ru/book/9410/177723>